

Вместо введения

ОБ ЭЛИТЕ БОСПОРА И НЕ ТОЛЬКО

Археология Боспора Киммерийского в истории отечественной археологической науки значит очень многое. Это обстоятельство, которое современные исследователи вспоминают не часто, может быть, даже не осознают его в полной мере, на самом деле абсолютно объективно. В известном смысле символично, что боспорская археология, можно сказать, что и вся российская археология в целом, по существу началась с открытия богатого погребения в кургане Куль-Оба под Керчью в сентябре 1830 г. [см.: Дюбрюкс, 2010, с. 167 сл.]. Вполне закономерно, что в дальнейшем, в значительной степени и во время деятельности Императорской археологической комиссии, основное внимание археологов было сосредоточено на раскопках элитных курганов Северного Причерноморья и Боспора Киммерийского [см.: Виноградов, 2009а; 2012а]. Понятно, что такая ориентация исследовательской активности в немалой степени объясняется тем, что раскопки курганов периодически приводили к открытиям замечательных произведений древнегреческого искусства, пополнявших собрание Императорского Эрмитажа. Столь же очевидно и то, что эта «гонка за сокровищами» часто вела к пренебрежению элементарными правилами проведения археологических раскопок, фиксации открываемых объектов, игнорированию «рядовых» находок и т.п. На страницах научных и популярных изданий об этих негативных явлениях уже немало сказано, и с такими оценками следует в полной мере согласиться.

К рубежу XIX и XX вв. научное сообщество уже вполне осознало недостаточность ориентации на изучение исключительно курганных древностей. Что касается античной археологии Северного Причерноморья, то тогда были начаты систематические раскопки древнегреческих городов – Херсонеса Таврического (с 1888 г.) и Ольвии (с 1901 г.) [см.: Стоянов, 2009; Виноградов, Мусин, 2009]. На Боспоре же и в это время, фигурально выражаясь, все ещё лежала густая «курганная тень», и изучение боспорских древностей, как справедливо отмечал М.И. Ростовцев, по-прежнему оставалось областью «частью случайного, частью quasi-научного использования некрополей и курганов с целью добывания музейных вещей» [Ростовцев, 1925, с. 260–261]. Из этой тени исследователи не смогли выйти вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей затем перестройки всей системы организации археологической науки в стране, т.е. до создания Государственной академии

Вместо введения

истории материальной культуры [см.: Платонова, 2010, с. 219 сл.; Виноградов, 2013а, с. 160–172]. Этот факт тоже невозможно оспаривать.

Однако вполне очевидно и иное. Раскопки XIX в. на берегах Керченского пролива привели к выявлению целого пласта первоклассных элитных памятников, заслуженно вошедших в сокровищницу мирового культурного наследия. Более того, эти открытия рельефно обозначили специфику Боспора в сравнении с другими центрами греческой колонизации Северного Причерноморья. Оценивая их, следует признать, что на протяжении всей античной эпохи боспорская элита была весьма многочисленной, чрезвычайно богатой и, надо думать, влиятельной. Эта элитарность культуры Боспора, вне всякого сомнения, является одной из важных составляющих «боспорского феномена», отличающих и даже выделяющих его в политическом, культурном и других аспектах от прочих древнегреческих государств региона [см.: Виноградов, 2000].

В советские годы, как уже частично было сказано, боспорская археология, как и вся российская историческая наука, сделала резкий поворот. В соответствии с новыми идеологическими установками, так сказать, была объявлена «война дворцам», и перед учёными поставлена задача исследования культуры рядового населения, эксплуатируемых масс, простых производителей материальных ценностей. Конечно, такой поворот, пусть не в столь острой форме, обозначился ранее и, в общем, он вполне объясним. К тому же никак нельзя сказать, что в советское время о боспорских курганах, как важнейших памятниках аристократической культуры, было вовсе забыто. Совсем нет, но их изучение было отодвинуто на второй, может быть, и третий план. Несравнимо более актуальным представлялось изучение культуры рядового городского и сельского населения, что, безусловно, имело свои резоны. Пришлось признать, однако, что без должной оценки культуры аристократии «боспорский феномен» в эти годы стал бледнеть, терять присущий ему блеск и изысканность [Виноградов, 2000, с. 111, 116]. Некоторые современные исследователи в устных беседах даже стали высказывать точку зрения, что ничего особенного в боспорской культуре нет, что здесь, как и в других античных центрах региона, шли те же самые процессы греко-варварских взаимодействий, что все эти центры в своем развитии прошли сходные исторические этапы и т.д., и т.п. Несколько заостряя вопрос, следует признать, что с такими высказываниями вполне можно было бы согласиться, если забыть о боспорских курганах. Именно эти памятники для любого непредвзятого исследователя дают надёжный ориентир для более объективной оценки роли элиты в политической, экономической и культурной жизни Боспора. Приходится ещё раз повторить, что из всех греческих колоний северного берега Чёрного моря Боспор демонстрирует весьма своеобразный путь развития эллинской цивилизации, выразившейся, в частности, в расцвете элитарной, аристократической культуры. Здесь, правда, следует оговориться, что вообще всякой высокоразвитой культуре присуще, как справедливо указывал Н.А. Бердяев, аристократическое качественное начало [Бердяев, 1990а, с. 277; 1994, с. 355]. По его мнению, культура «непременно предполагает аристократический элемент» [Бердяев, 1990а, с. 260]. Всё это так, но для нас

важно акцентировать внимание на том, что именно на Боспоре этот аристократический, элитарный элемент нашёл особенно яркое выражение.

На этом следует несколько отвлечься от основной темы и признать, что само понятие элиты в современной науке понимается по-разному, по этой проблематике ведутся довольно острые дискуссии, предлагается целый спектр градаций и оценок. Однако все они сходятся в одном. Как правильно отметил американский исследователь Р. Миллс, «истина заключается в том, что, хотя история касается всех, не все мы обладаем равными правами творить историю» [Миллс, 1959, с. 50]. История творится элитами, и по существу она повествует нам о смене периодов взлёта и падения правящих групп [Миллс, 1959, с. 51], история любого народа – это по существу судьба его элиты [Севастьянов, 2013, с. 158]. Можно сказать и иначе: история представляет собой кладбище элит [Бухарин, Малков, 2014, с. 16], что уже в известной степени приближает нас к сфере археологии.

Слово «элита» восходит к латинскому *eligere* – «выбирать» [Ашин, 1985, с. 64; Сартори, 1993, с. 82]. Непосредственно оно образовано от французского *élite*, т.е. «лучшее», «отборное», «избранное» [см.: Понеделков, Старостин, 1998, с. 7; Ашин, Охотский, 1999, с. 116]. В этимологическом смысле это понятие тождественно другому – аристократия [Сартори, 1993, с. 81], а для интересующей нас эпохи классической древности оба понятия тождественны и по своей сути.

Наука об элитах, элитология, ведёт своё начало от трудов итальянских ученых Вильфредо Парето (1848–1923) и Гаэтано Моска (1858–1941) [о них см.: Арон, 1993, с. 403 сл.; Гуревич, 1994, с. 63-64; Самсонова, 1994, с. 176 сл.; Ашин, 2003, с. 72; Бухарин, Малков, 2014, с. 6, 16-18]. К марксистской, классовой теории общества, как не трудно догадаться, эта наука не имеет особого отношения. Более того, её появление является своего рода негативной реакцией на распространение марксистских идей о построении общества, в котором власть яко бы будет принадлежать большинству [Самсонова, 1994, с. 176-177].

Не удивительно, что в советской науке само понятие элита долгое время понималось как элемент буржуазного влияния, как декларация неспособности угнетённых классов управлять и руководить обществом [Ашин, 1964; 1966; Нарта, 1978]. По существующим тогда представлениям считалось, что это направление западной мысли позволяет обходить вопрос, представителями каких классов являются лидеры, возглавляющие общество [Ашин, 1978, с. 7]. Мысль Н.А. Бердяева о том, что «власть не может принадлежать всем, не может быть механически равной» [Бердяев, 1990а, с. 215], для историков-марксистов долгое время казалась абсолютно чуждой, даже враждебной. Тем не менее, в нашей стране ещё при социализме наметился отход от крайности такого понимания, и в 1985 г. Г.К. Ашин, ранее яростно боровшийся с буржуазной элитологией, признал, что она вполне совместима с марксистской теорией классов [Ашин, 1985, с. 83]¹. В дальнейшем элитология была

¹ Е.В. Охотский подчеркивает, что элита всегда была, есть и будет. В отношении истории советско-

1. *Военная доблесть*. С этим положением невозможно спорить, поскольку «класс воинов» играл и играет очень важную роль в истории всех народов.
2. *Богатство*. Г. Моска считал, что «богатство создаёт политическую власть точно так же, как политическая власть создаёт богатство» [Моска, 1994, с. 191], с чем тоже невозможно поспорить. По выражению автора, даже в демократических Соединённых Штатах Америки выборы проходят «под музыку звенящих долларов» [Там же].
3. *Положение в церковной иерархии*. Для эпохи древности это положение Г. Моски, разумеется, следует относить к влиятельным жреческим родам.
4. *Происхождение и личные качества*. По мысли исследователя, все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически. При таком положении, когда приток «свежей крови» наверх либо исключён, либо сильно затруднён, вся элита неизменно приходит в упадок.

Г. Моска справедливо указывал при этом, что крах старого правящего класса может быть связан как с иностранным вторжением, так и с приходом новых политических сил внутри общества. Последнее он объяснял появлением новых источников богатства, распространением новой религии или возрастанием значения знаний [Моска, 1994, с. 197].

Элита является существеннейшим элементом отмеченной выше иерархичности общества, и этот элемент обычно понимают как особое социально-политическое явление [см.: Охотский, 1993; 1996; Эндрувайт, 1998, с. 6, 9; Крадин, 2001, с. 59]. Р. Миллс определял элиту следующим образом: «Властвующая элита состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия» [Миллс, 1959, с. 84]. В чём-то вторя ему, Е.В. Охотский пишет: «Под элитой классики элитаризма понимали сравнительно небольшие группы избранных людей, отличающиеся сильной волей и обширными знаниями, занимающие ведущее положение в политической, экономической, военной или духовной сферах» [Охотский, 1996, с. 7]. По мнению А.А. Сванидзе, элита представляет целую систему «высших или “избранных” общественных групп, выдвинувшихся вследствие своей родovitости, власти, богатства или иных свойств (чаще в их совокупности) и обладающих наибольшим политическим весом и (или) престижем в масштабах каждого общества или его отдельных структур» [Сванидзе, 1995, с. 6]. Отмеченная этими авторами структурированность элиты вполне очевидна и, на наш взгляд, в рамках предлагаемого исследования не нуждается в особых пояснениях. По этой причине уместно говорить не об элите, а об элитах любого данного общества [Сванидзе, 1995, с. 6; Понделков, Старостин, 1998, с. 7]. Л.Е. Куббель считает, что об элите следует судить как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле это лучшая часть любой социальной, этнической или профессиональной группы. В более узком смысле элиту составляют индивиды и группы, занимающие ведущее место в различных сферах деятельности – политической, идеологической, хозяйственной, культурной

предполагать, облагались определённой данью [Ростовцев, 1989, с. 190; Гайдукевич, 1966, с. 53], а независимые – поставляли хлеб в обмен на всевозможные греческие товары. Следует признать почти бесспорным факт, что только деспотические режимы, каковым следует признать режим Спартокидов, могли поставлять на внешний рынок крупные партии зерна [Кузнецов, 2000б, с. 117]. Одним из правителей Боспора, Левкона I, Демосфен прямо называл «господином этого (т.е. боспорского – Ю.В.) хлеба» (*Dem. XX. 31*). Хлебная торговля позволяла сосредоточивать в руках Спартокидов огромные материальные богатства, которые различными способами перераспределялись среди окружавшей их престол элиты, трансформируя её материальную культуру и, как можно полагать, даже оказывая влияние на идеологические установки [Moreno, 2007].

Подобные явления можно проследить не только в IV в. до н.э., но и позднее. К примеру, в III в. до н.э., который для всего Северного Причерноморья во многих отношениях стал кризисным, на Боспоре появляются новые черты в аристократической культуре. Они проявляются, в частности, в находках перстней «птолемеевского типа», которые в особенно большом количестве сконцентрированы именно на берегах Керченского пролива [Неверов, 1974; 1976, с. 167–176; Трейстер, 1982; 1985; Литвиненко, 1991, с. 14 сл.; Финогенова, 2001]. Наиболее адекватный путь объяснения этого факта, на наш взгляд, заключается в понимании особенностей внешней политики Птолемеев, стремившихся установить свою гегемонию в Восточном Средиземноморье. Для реализации этих устремлений было необходимо наладить дружеские отношения с греческими государствами Причерноморья и, прежде всего, с Боспором [Трейстер, 1985, с. 137–139; 2005, с. 311]⁴. Весьма вероятно, что поддержанием таких связей Птолемеи пытались обеспечить снабжение хлебом своих союзников в Эгейском бассейне [Ладынин, 2007]. Вполне возможно также, что перстни «птолемеевского типа» являются подарками представителям элиты Боспора за содействие египетской политике. Эти предметы расценивались как очень престижные, они бережно хранились в семье и, по всей видимости, передавались по наследству.

Для более раннего времени такими престижными, знаковыми предметами, по всей видимости, были ахеменидские цилиндрические печати, получившие распространение на Боспоре [Трейстер, 2011, с. 119; 2013, с. 356; Treister, 2010, p. 251–256], а для более позднего – перстни с изображением Митридата VI Евпатора [Неверов, 1976, с. 176–177]. Митридатовская символика на перстнях, происходящих с Боспора и относящихся к более позднему времени, по всей видимости, была проявлением надолго сохранившейся симпатии к понтийскому царю и его политическому курсу [Неверов, 1968, с. 238; см. также: Неверов, 1978, с. 175–176, кат. 42–45]. На наш

⁴ Тесные политические связи Боспора с Египтом подтверждаются документом из «архива Зенона» о посольстве Перисада, прибывшего на берега Нила в 254 г. до н.э. [МИС, с. 260–261], а также изображением корабля «Исида», прочерченного на штукатурке нимфеского святилища [Грач, 1984б; 1987; Трейстер, 1985, с. 137; Höckmann, 1999].

Многие свидетели погребальной церемонии, скорее всего, могли видеть всю эту роскошь только один раз. Суть вопроса, надо думать, заключается не только в стремлении сильных мира сего продемонстрировать свои богатства, но и несколько в ином. Сокрытые в могиле сокровища, как представляется, являлись материальным свидетельством особого статуса погребённого, знаком его близости к миру бессмертных героев или даже богов. Обилие золотых предметов в погребениях боспорской знати должно было не просто удовлетворить тщеславие близких покойного или привести в изумление праздных зевак. В известном отношении это было «золото богов», или «золото для богов».

Важной особенностью элитных погребений Боспора, начиная с эпохи Спартокидов, являлись золотые оливковые или дубовые венки [Трейстер, 2014]. В подавляющем большинстве случаев они были изготовлены специально для использования в погребальном обряде. М.В. Скржинская обратила внимание, что в греческих государствах Северного Причерноморья декреты о награждении граждан и иностранцев золотыми венками происходят из Ольвии, Херсонеса Таврического и Тиры, но ни одного документа подобного рода на Боспоре нет, тогда как находки золотых венков известны только на Боспоре [Скржинская, 2010а, с. 253-254; 2010б, с. 284–287]. Исследовательница связывает это с тем, что награждение венком происходило от имени Совета и Народного собрания, а в монархическом Боспорском государстве эти институты либо играли крайне незначительную роль, либо вовсе отсутствовали [Скржинская, 2010б, с. 293]. Мы не знаем, сколь регулярно элита Боспора приносила золотые венки в храмы богов. Может быть, они делали это достаточно часто, но вполне очевидно другое – такие венки стали почти непременным атрибутом в погребальном обряде, при этом не только в погребениях мужских, но и женских, и даже детских. Надо полагать, что они стали знаком принадлежности усопших к сонму бессмертных героев, а в ряде случаев, возможно, и богов.

Немалый интерес в связи с этим имеет вопрос о месте производства предметов так называемой греко-скифской торевтики, в большом количестве открытых не только на Боспоре, но и в погребениях туземной знати хинтерлянда. М.И. Ростовцев считал, что центром их производства мог быть только Боспор, «так близко стоявший к Скифии и так хорошо знавший её религию и быт» [Ростовцев, 1918а, с. 54]. Эта гипотеза нашла большое количество сторонников [см.: Гайдукевич, 1949, с. 120 сл.; Иванова, 1953, с. 80 сл.; Артамонов, 1966, с. 61; Онайко, 1970, с. 51 сл.; 1974, с. 78 сл.; Яковенко, 1985, с. 345; Gajdukevič, 1971, S. 132 ff.; Strong, 1966, p. 87]. Е.О. Прушевская признавала временем наивысшего расцвета художественной обработки металла на Боспоре конец V и IV вв. до н.э., когда, по её мнению, в Пантикапее работала крупная мастерская [Прушевская, 1955, с. 339]. М.Ю. Трейстер, публикуя находку матрицы для изготовления украшений из тонкой золотой фольги и привлекая другие материалы, пришёл к выводу, что существование мастерской торевтов в Пантикапее можно считать доказанным [Трейстер, 1989, с. 97; см. также: Никулин, 1957, с. 89; Федосеев, 1994; Калашник, 1995, с. 260].

ное значение [Понеделков, Старостин, 1998, с. 40]. Элитарная культура, вне всякого сомнения, имеет специфику, и проявления элитарности в различных обществах могут быть весьма своеобразными. Обычно обращается внимание на демонстративно-избыточный характер потребления представителей высших слоёв общества, что, в принципе, вполне очевидно, но не достаточно для полноты понимания. Суть вопроса заключается в асимметричности поведения управляющих и управляемых, которая может проявляться во многих сферах: пищевой, вербальной, сексуальной и т.д. [Бочаров, 1996, с. 21].

В этой сфере культуры, однако, не всё столь однозначно и однонаправленно. История демократических Афин, к примеру, демонстрирует одно в высшей степени любопытное явление. Нет сомнения, что аристократия здесь, как и везде, изначально демонстрировала восхищение роскошью и стремление обладать предметами роскоши. Особое значение при этом имело восприятие Персии как страны, олицетворяющей богатство во всех его проявлениях [Карпюк, 2012, с. 58 сл.]. По мере демократизации афинского общества, когда предметы роскоши стали доступны многим простолюдинам, в среде афинской аристократии стало всё более проявляться восхищение спартанскими эгалитарными ценностями [Карпюк, 2012, с. 66]. Вообще же осмысление проблемы, связанной с обогащением выходцев из народных низов в сравнении с бедственным положением обедневших знатных родов, давно стало одной из тем литературного творчества писателей многих стран. Для нас эта проблема вряд ли актуальна, хотя сугубо теоретически она может быть рассмотрена и на археологическом материале. В этом отношении можно обратить внимание на трансформацию погребальных памятников в упоминавшемся выше некрополе боспорской знати Юз-Оба: к концу IV в. до н.э. размеры курганов здесь заметно уменьшаются, набор погребального инвентаря тоже становится скромней. Более того, ещё позднее здесь появляются впускные захоронения, которые вполне можно признать рядовыми [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 133-134].

Помимо отмеченного выше, элита всегда представляет собой некое социально-психологическое и культурное единство как внутри отдельных сообществ, так и в более глобальном плане. При всех противоречиях, которые могли раздирать аристократические кланы, при всех спорах за первенство, которые могли доходить до откровенной вражды, они всегда осознавали свою общность, отличие от толпы простолюдинов. П.С. Гуревич по этому поводу писал: «В аристократическом обществе правящая сторона создаёт дистанцию между собой и низшими группами, относясь к их представителям свысока» [Гуревич, 1994, с. 270]. Это суждение является справедливым отнюдь не только для древности или средневековья, Р. Миллс считает, что для современной американской элиты вопрос «свой–чужой» является одним из принципиальнейших, против «чужаков» она всегда тесно смыкает ряды, при этом некоторые из «чужаков» в ряды элиты всё-таки допускаются, другие же – ни при каких условиях [Миллс, 1959, с. 34]. Понятно, что для любого индивида, стремящегося быть принятым какой-то группой (совсем не обязательно элитной), необходимо

Кавказа» [см.: Эйдельман, 1990]. Любопытно, что в 1840-х гг., т.е. в самый разгар войны, костюм кавказских горцев был утверждён как форма Кубанского казачьего войска [Дмитриев, 2003, с. 104]. Более того, черкеску, папаху, бурку и т.д. стали носить русские офицеры, участники Кавказской войны, и «обычный горский костюм» вошёл в число престижных заимствований, принятых в русской культуре [Дмитриев, 2003, с. 105; см. также: Студенецкая, 1999]. Вместе с этим костюмом было принято кавказское оружие, прежде всего кинжал и шашка [см.: Аствацатурян, 2004]. Кавказский (кабардинский) верховой конь с его великолепным убором высоко ценился и был лучшим подарком не только в аристократической среде кавказских народов, но и в среде русской аристократии [Дмитриев, 2003, с. 101].

В связи с изложенным невольно возникает одна немного фантастическая и сугубо гипотетическая конструкция. Если очерченную ситуацию перенести на Боспор, скажем, IV в. до н.э., и предположить, что некий боспорский аристократ, попавший под обаяние культуры кавказских племён, завещал похоронить себя в кавказском костюме, с кавказским оружием и со своим любимым кавказским конём, то археологи, через много веков раскопавшие это погребение, поймут его абсолютно неверно. Скорее всего, они сделают вывод, что открытое ими погребение принадлежит выходцу с Кавказа, а если этот комплекс укладывается в серию схожих, то будет сделано предположение, что между Боспорским царством и кавказскими народами в это время существовали дружеские, может быть, даже союзнические отношения. В реальной истории, однако, всё могло быть совсем наоборот! О подобных сложностях археологических интерпретаций можно говорить почти бесконечно, при этом без всякой надежды на окончательное решение проблемы, но и забывать о них тоже никак нельзя.

По мнению Е.В. Охотского, именно элита обеспечивает продвижение общества вперёд, осуществляя интеграцию и наиболее эффективную реализацию общественных интересов [Охотский, 1993, с. 8]. Приходится признать, однако, что интересы народа и интересы господствующих слоёв общества никогда не совпадают, хотя между ними могут складываться своего рода компромиссы. Столь же очевидно и то, что в определённых исторических условиях элита, действующая в своих узкокорыстных интересах, может превратиться в настоящую «правящую клику», и постулированное Е.В. Охотским «движение вперёд» тогда уже является движением к катастрофе. Революционные перемены, которыми, как правило, заканчиваются подобные кризисы, ведут к выдвиганию «контрэлиты», но революционная волна, как известно, выносит на поверхность немало мусора [Самсонова, 1994, с. 184].

Особый вопрос заключается в понимании, так сказать, символов власти и власти символов [Попов, 1996; Крадин, 2001, с. 110 сл.; Бочаров, 2006; Ковачев, 2006]. Власть отождествляется с определённой системой символов, точнее, она в известном смысле непосредственным образом соотносится с владением соответствующими символами [Бочаров, 1996, с. 28, 31]. Борьба со старой властной символикой по

отношении особое значение имеет изучение курганных комплексов, что отчасти уже было сказано выше и о чём более подробно речь пойдет ниже.

Имя человека тоже может рассматриваться как символ власти [Бочаров, 2006, с. 296-297], как знак принадлежности к особой категории людей. Фракийское имя Спартока I и некоторых из его наследников, а если шире – система династических имён Спартокидов в этом отношении очень показательна. Не следует забывать о савроматских и пр. аллюзиях, связанных с именами боспорских правителей первых веков н.э., которые тоже представляются весьма существенными. А.А. Завойкин высказал любопытную гипотезу о табуации имён Спартокидов, которые представителям боспорских аристократических родов (уже не говоря о простолюдинах!) употреблять запрещалось [Завойкин, 2006]. И.Е. Суриков от гипотезы табуации предлагает решительно отказаться. По его мнению, у каждого аристократического рода была своя система «семейных» имён, нарушения в которой не допускались [Суриков, 2007б], и он, как представляется, ближе подошёл к истине. В любом случае, однако, обозначенное направление в изучении аристократической ономастики представляется в высшей степени перспективным. Вполне ясно и другое – имена монархических родов закономерно становятся важным символом их власти. Понятно, что знаки власти не имеют постоянного властного коэффициента, и было бы странно ожидать, что в первых веках н.э. на Боспоре появится царь с именем Спарток или Перисад. Эти знаки получали свою значимость только во вполне конкретных ситуациях!

Материальными символами власти, конечно, могут выступать некоторые «диковинные» вещи, скажем, шкура белого медведя во дворце арабского эмира. Имеются и другие проявления этой закономерности, к примеру, у бухарской знати такой «диковинной» вещью были европейские часы. Пользоваться ими бухарцы не умели, по крайней мере, умели не все, и русские посланники с удивлением замечали, что у некоторых из них на часах нет стрелок [Соловьёва, 2002, с. 150]⁸. Тем не менее, часы было необходимо иметь, чтобы подтвердить свой высокий социальный статус. У нас

⁸ Генрих Мозер, путешествовавший по Средней Азии в 1882–1883 гг., не раз видел бухарского эмира и оставил весьма любопытное описание его парадного костюма: «Нас чрезвычайно заинтересовал его костюм; во время прежних аудиенций он надевал халаты, более или менее разукрашенные драгоценными камнями; этот же раз он надел на себя мундир, и, по правде сказать, мундир в высшей степени фантастический. Представьте себе верхнюю одежду из бархата кирпичного цвета, спускавшуюся ниже колен, из-под которой торчал халат на меху; на груди и на полах этой одежды, в виде треугольников и других фигур, были нашиты широкие генеральские галуны; наконец, на нём красовались густые золотые эполеты, попавшие сюда, вероятно, от какого-нибудь русского генерала; на груди, справа и слева, виднелись звёзды св. Станислава и св. Анны, украшенные алмазами, а между ними висела бухарская звезда – орден, учреждённый недавно по случаю коронации русского императора и украшенный бриллиантом величиною в голубиное яйцо; под этим орденом были прицеплены ещё две звёзды того же самого ордена, из коих одна была украшена тремя, а другая четырьмя бриллиантами; наконец, гораздо ниже, на животе красовался целый ряд золотых звёзд всё того же бухарского ордена, представлявших собою настоящую коллекцию драгоценных камней; надевая с полдюжины звёзд одного и того же ордена, эмир, очевидно, не имел ясно-го представления о значении этих знаков отличия» [Мозер, 1888, с. 618].

ни по этой причине В.П. Яйленко считает, что роль знатных родов в истории Древней Греции сильно преувеличена, и они по существу являются фикцией [Яйленко, 1990а, с. 108–109], однако такое представление вряд ли соответствует действительности. Напротив, современная наука признаёт, что аристократия имела огромное значение в жизни всех полисов Древней Греции. Особенно влиятельными они были в эпоху архаики [см.: Курбатов, 1994; Суриков, 2000; 2009а; Davies, 1974; Ober, 1989; Starr, 1992], в том числе и в процессе греческой колонизации [Курбатов, 1994, с. 41 сл.; Суриков, 2007а, с. 206, 214]. Даже в демократических Афинах вытеснение аристократии из политической жизни в основном завершилось лишь к концу V в. до н.э. [Суриков, 2000, с. 11–12, 23; 2009а, с. 221 сл.]. Элита греческих полисов продолжала играть важную роль в жизни общества в эпоху эллинизма и позднее, особое значение при этом приобретал характер её взаимоотношений с царской властью [Dreyer, Weber, 2011; Кузьмин, 2013]. Значение аристократии в римском обществе – особый предмет для изучения [Егоров, 2014–2015].

По мнению И.Е. Сурикова, могущество древнегреческой аристократии базировалось на её богатстве (владение землями, рудниками и т.д.), исключительном положении в религиозной сфере, традиционном престиже (генеалогические легенды возводили её происхождение к богам или героям) и т.д. [Суриков, 2000, с. 13–17; ср.: Курбатов, 1986; 1992; 1994]. Этим «властителям княжеского типа» богатство давало возможность обрести массу приверженцев, содержать наёмное войско и даже личный домен [Фролов, 2004², с. 22]. Знатные роды, заключая между собой брачные союзы, могли создать весьма могущественные и влиятельные политические альянсы. Наконец, именно аристократы поддерживали и распространяли внешние связи своих полисов, простиравшиеся далеко за пределы греческого мира [Суриков, 2000, с. 17]. Это прежде всего осуществлялось благодаря развитию *ксении*, т.е. дружбы между гражданами различных полисов, которая отнюдь не сводилась к обычному гостеприимству, но включала также охрану и общее содействие в делах. Из отношений частного гостеприимства постепенно сформировался институт *проксении*, т.е. гостеприимства государственно-го. Практика заключения проксенических отношений между полисами получила широкое распространение в эпоху классики [Никитюк, 2001; Sealy, 1976, p. 550].

Существует устойчивое представление, навязанное нам вузовскими учебниками, что древнегреческая аристократия была весьма консервативной, она якобы упорно держалась за старые порядки, противостоя прогрессивным переменам в обществе. Это представление, однако, не вполне соответствует действительности. Именно аристократы Древней Греции стояли во главе всех реформ и были наименее склонны к консерватизму, а её значение в военной сфере вообще неоспоримо [Курбатов, 1990]. Если обратиться к ряду общеизвестных исторических личностей Афин, деятельность которых существенным образом повлияла на политическую трансформацию этого полиса [см.: Суриков, 2005; Stanton, 1990], то в полной мере следует согласиться с заключением И.Е. Сурикова, что всех их объединяет одно в высшей степени важное качество – аристократизм [Суриков, 2005, с. 324].

надо думать, и в других монархических государствах) во времена ослабления центральной власти резко обострялась борьба враждующих аристократических кланов. В такие моменты царям приходилось идти на некоторые уступки. В этом отношении достаточно показателен эпизод, связанный с воцарением Евмела, пришедшего к власти в 310/9 г. до н.э. после вооружённой борьбы с братьями и жестокой расправы со своими политическими противниками [см.: Гайдукевич, 1949, с. 73–75; Виноградов, 2003]. Ему пришлось собрать народное собрание и успокоить граждан, пообещав им сохранить старые порядки (Diod. XX. 24). Вполне понятно при этом, что люди, павшие от его террора, совсем не были простолюдинами, и не от последних исходила инициатива в созыве собрания.

В более позднее время на подобные уступки, по всей видимости, был вынужден пойти Левкон II, если с его правлением связывать декрет 242 г. до н.э. о даровании Косу асии, т.е. неприкосновенности [Толстикова, Виноградова, 1999, с. 294–296; но ср.: Балахвануев, 2011; Завойкин, 2013, с. 442; Габелко, 2015]. Ещё больший материал для размышлений подобного рода даёт время поздних Спартокидов. Царская власть тогда сильно ослабла, и политические устремления значительной части боспорской правящей элиты были устремлены на союз с Крымской Скифией (см. главу 4.1). Однако только этим дело не ограничивалось, и, скорее всего, именно к этому времени следует относить сообщение Страбона об активной деятельности морских разбойников северо-западного Кавказа – ахейцев, зигов и гениохов [Strab. XI. 2.12; см.: Брашинский, 1973, с. 126–127]. Описывая особенности их пиратского образа жизни, древний географ отмечает, что порой этим варварам содействовали боспорские правители, предоставляя им стоянки, позволяя покупку провианта и продажу награбленного. Понятно, что какая-то часть боспорской аристократии была заинтересована или, по крайней мере, не протестовала против подобного рода нечистоплотных связей. Наконец, по мере развития кризиса всё более влиятельной становилась другая аристократическая группировка, видевшая спасение в подчинении Боспора понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Именно она, как известно, в конце концов одержала верх, но в сложившихся тогда политических условиях такой исторический поворот оказался чреват многими потрясениями (см. гл. 4.2, 4.4).

Здесь мы подходим к ещё одной в высшей степени важной проблеме истории Боспорского государства, связанной со сменой правивших в нём династий. Вопросы этих важнейших перемен на страницах научных изданий продолжают весьма остро дискутироваться, о чём подробнее речь пойдет ниже. Сейчас же уместно обратить внимание, что логика событий вынуждала аристократию греческих городов принимать самое активное участие в этих событиях. Единой позиции всех аристократических группировок по поводу судьбоносных для государства перемен ожидать никак не приходится, и представляется вполне логичным, что проигравшая сторона вынуждена была отправляться в изгнание.

В отношении истории ранних Спартокидов можно напомнить информацию Исократу о боспорских изгнанниках, проживавших, скорее всего, в Афинах. Эти

здесь мы сталкиваемся с ярким проявлением того самого «женского фактора», когда брак с представительницей старой династии означал легитимизацию власти нового правителя.

Формирование боспорской элиты, вне всяких сомнений, является принципиально важной научной проблемой, но в этой области сделано ещё очень немногое [Шепко, 2013]. Изучение трансформации культуры боспорской элиты на протяжении почти целого тысячелетия представляет особый предмет для изучения. Эта трансформация, с одной стороны, непосредственным образом была связана с общей эволюцией античной культуры, поскольку Боспор во все времена был частью эллинского мира. С другой стороны, в боспорской элитарной культуре постоянно ощущается, так сказать, приток «новой крови», исходящий из среды аристократии местных племён. Некоторые новшества в ней были связаны с ситуацией в варварском мире Северного Причерноморья, точнее, с имевшими место изменениями этнической и военно-политической ситуации в регионе, что было обусловлено периодическими продвижениями из глубин Азии на запад новых и новых волн кочевых этносов. В истории Боспора эти продвижения сыграли очень важную роль [Виноградов, 2006а; 2009б, с. 65 сл.; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 16–18; Vinogradov, 2007; 2008]. Для римского времени, как известно, особое значение имела миграция готов середины III в. до н.э. [см.: Гайдукевич, 1949, с. 439 сл.; Шукин, 2005, с. 448–451; Gajdukevič, 1971, S. 459 ff.], хотя волны «германской моды» проявились на Боспоре в виде отдельных вещей центральноевропейского или прибалтийского происхождения намного раньше [Шаров, 2010, с. 277].

Вряд ли во всех случаях можно с уверенностью говорить, что появление каких-то варварских элементов в культуре элиты Боспора было связано с проникновением в её среду выходцев из местных племён, хотя в большинстве случаев, по всей видимости, это было действительно так. Тем не менее, совсем не исключено, что эти элементы могли также проникать иным путем, связанным с появлением своего рода моды на какие-то типы вооружения, детали костюма, характер украшений и т.д. В этом отношении, однако, следует сделать одну важную оговорку – отнюдь не каждое новшество в среде культуры становится модным. Как правильно говорится, «мода течёт с горы», т.е. исходит из той страны, той социальной группы, тех конкретных личностей, которые в данное время занимают важные позиции в мировой политике, мировом процессе культурного развития. В наши дни модным может стать лишь то, что считается престижным или, по крайней мере, имеет к этой престижности хоть какое-то отношение (всё французское, английское, американское). Как бы много мы ни ругали Америку, но американская культура, американские вкусы, американский стиль жизни во всех его проявлениях с успехом распространяются по всему миру. США – единственная сейчас мировая держава. Возвращаясь к Боспору и проникновению варварских элементов в культуру его элиты, можно считать, что эти элементы в основном могли быть связаны с теми племенами или варварскими группировками, которые в то время играли особую роль в истории

